

24 марта нашему коллеге, журналисту Владимиру ЧЕРТКОВУ, исполнилось 70 лет. В это верится с трудом - с его-то нынешней энергией, постоянной заряженностью на новость, на интересного человека! Ордена и медали, почетные звания и премии, прекрасные очерки, статьи, книги - все это веки и его профессиональной биографии.

Поздравляем тебя, Володя!

Доброго тебе здоровья! Новых дорог и творческих вершин!

С ДРУГОМ НА ПОЛЮС

В Мурманске была весна. Восьмое мая. Яркое, почти незаходящее солнце и плюс десять. Правда, на сопках снега было полно. Я ехал провожать своего друга Владимира Черткова в командировку. «Волга» направлялась в порт, где от причала должен был уйти к Северному полюсу атомный ледокол «Сибирь». Он шел спасать полярников: льдина с дрейфующей станцией СП-27 раскололась, и людям грозила беда.

Никогда и никого я раньше не провожал в командировку, да и меня не провожали - не принято это было, просто на прощание желали друг другу удачи. На этот раз получилось отступление от правил. Дело в том, что через два дня я вылетал из Мурманска на Ил-24, на шипованном радиотелеметрической аппаратуре, который тоже призван был помочь «Сибири» пробиться сквозь тяжелые льды почти к самой макушке Земли. Мы впервые с Чертковым работали вдвоем. Один вел репортажи с борта атомхода, другой - с борта воздушного ледового разведчика.

Своему другу, честно говоря, я не завидовал. Его ждали дни и ночи постоянной вибрации (трясется палуба, койка, стол - все, что может трястись) и постоянный грохот, когда громада ледокола долбит 10-балльные, многометровые льды. Он уходил в высокие широты, а это всегда неизвестность. К тому же на борту ни капли спиртного. Сухой закон. Не трагедия, конечно, но в ситуации длительного и нудного пребывания в замкнутом пространстве очень уж тоскливо...

В это послеобеденное время у редких винных магазинов стояли очереди. Человек по двести - триста. Причем у большинства стоявших из-под распахнутых пальто и плащей горели ряды орденов и медалей - со всей страны съехались в город-герой защитники Севера отметить годовщину Победы.

Возле одной из очередей и Чертков не выдержал.

- Тормозни, - сказал он водителю обкомовской «волги».

- Только в конце очереди.

Он вылез из машины, подошел к последнему, сто...надцатому орденосцу, достал из сумки бутылку коньяка и отдал ее ошалевшему седому дядьке с «иконотасом» на груди.

- На, отец. Выпей за Победу. И не стой здесь!..

Я знал, что это была единственная заначка, которую он собрался пронести на борт. А купить новую, хоть за любые деньги, было негде...

...Я сижу в кресле второго пилота. Подо мной и впереди, насколько хватало глаз, белое поле арктических льдов, освещенное незаходящим солнцем. Прямо по курсу - в каких-нибудь трехстах километрах - маленький «игрушечный» корабль, атомный ледокол «Сибирь», пробивающийся к северной шапке Земли. Высота шесть тысяч метров. По следу, оставляемому ледоколом, видно: прямых дорог во льдах не бывает. Это мы - летающий поводиль - определяем, где лед полегче, и передаем данные на борт, указываем тропинку среди тяжелых паковых льдов.

- «Сибирь» на связи, - говорит мне бортрадист Игорь Ильин и добавляет: - Только недолго.

- «Сибирь»! Кто на связи? спрашиваю я.

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

- Чилингаров, - гремит в наушниках.

- Артур Николаевич! Доброе утро, - как можно спокойнее говорю я, хотя понимаю: какое там к черту доброе, если громадина «Сибири» за сутки продвинулась вперед лишь на пять миль. - А где там мой друг Чертков?

- Он кофе пьет, - отвечает Чилингаров. - Сейчас позовут.

Трудно описать свои чувства, когда ты слышишь голос друга у черта на рогах. Внизу - тысячи километров непроходимых льдов, эфир - гулкая жестянка...

- Да я не в Мурманске уже. Я на Грезм-Белле базируюсь - отвечаю. - Как самочувствие?

- Какое самочувствие! - грустно говорит Чертков. - Ни капли. Нас хоть там ставят?

- Ставят, - успокаиваю его, хотя сам не знаю, публикуют ли наши репортажи в родной газете. - «Хвосты», правда, выставляют, - добавляю для убедительности.

Позже ребята из оперативного штаба ПВО рассказывали мне, что они и американцы с норвежцами, слушающими эфир на боевом дежурстве, чесали затылки, ничего не понимая. Что несут эти два идиота в эфире? Какие-то хвосты, куда-то их ставят...

А в это время на «Сибири» события развивались. До СП-27 оставалось 200 километров. Палубный вертолет Ми-8 готовился к броску на льдину. На атомходе, кроме Черткова, были и другие журналисты. И в вертолете собралась боль-

шая компания репортеров - все хотели попасть на расколую льдину.

- А вы инструктаж у Чилингарова прошли? - заглянув в салон вертолета, спросил Чертков. - Капитан Вибах и Артур Николаевич ждут всех. Без этого машина не взлетит.

Нехотя журналисты начали подниматься со своих мест. Когда они скрылись в палубной надстройке, Чертков весело сказал:

- Вперед, командир! Льдина ждет нас!

Знаю, что после этого «отрыва» на льдину обманутые репортеры не разговаривали с Чертковым по полгоду. Но что поделаешь, первым должен быть только один. И он им был!

Я же в течение полутора недель каждый день летал по десять часов. Три раза пересекал Северный полюс, видел под крылом острова Рудольфа, Землю Александры... Мы довели «Сибирь» до цели. Возможно, сегодня репортажи об этом не пошли бы в газету - их просто назвали бы рекламой самолета Ил-24 или атомхода «Сибирь». Сегодня об успехах - только за деньги. Жаль...

Эта командировка запомнилась на всю жизнь. Я существовал, словно в двух измерениях - на атомходе и в небе над ним, на дрейфующей станции и на острове Грезм-Белл. Так же чувствовал, наверное, себя и мой друг Чертков, почетный полярник СССР, журналист XX века.

Владимир ЧЕБАКОВ

Рядом с нами

УКРОЩЕННАЯ СИЛА

Репортаж с испытательного комплекса НПО «Энергомаш»

Большой, откормленный кот (о нем еще пойдет речь) потянулся и поднял лапу: мол, мужики, испытатели, не волнуйтесь, все будет нормально, без сюрпризов.

Известно: некоторые животные в отличие от людей знают, что нас ждет впереди, случится вот-вот. В районе Спитака накануне разрушительного землетрясения все кошки покинули дома и расположились на сеновалах.

...Мы проехали около двух километров по территории ОАО «Научно-производственное объединение «Энергомаш» имени академика В.П. Глушко» и оказались возле второй проходной, за которой святых предприятия - испытательные стенды с их довольно громоздким и сложным хозяйством. Огромные емкости для хранения керосина, жидкого кислорода, азота, завод по производству кислорода, десятки километров кабелей, трубопроводов - словно кровеносные сосуды, подтянутые для питания невидимых монстров. За стенами высоких зданий, к которым идут все коммуникации, проверяется надежность жидкостных ракетных двигателей большой мощности для ракет-носителей, обеспечивающих выполнение национальных и международных космических проектов.

Испытательное производство «Энергомаша» - это нечто, что будоражит ум. Тут бушуют силы, которые не укладываются в воображении. Мощностной выбрасываемой двигателем струи - 27 миллионов киловатт. Мощность турбонасосного агрегата РД-180 - сто восемьдесят тысяч киловатт, она в два с половиной раза превосходит энергетическую установку атомного ледокола «Арктика». С ее помощью можно осветить город с населением 300 тысяч человек.

Но прежде чем побывать в вождельных для меня зданиях, я беседовал за чайным столом с заместителем генерального директора «Энергомаша», директором испытательного комплекса, лауреатом Государственной премии России, кандидатом технических наук Владимиром ХУДЯКОВЫМ.

- Давно здесь?

- Тридцать лет. Пришел инженером после окончания МАИ.

- У вас в основном, наверное, инженерно-технический персонал?

- Больше половины штата - выпускники МАИ, Физтеха, Бауманского училища.

Тут все - от рабочего до инженера - приучены к высокой культуре труда. А как может быть иначе при стыковке двигателя на стенде? Ведь в магистрали не должно попасть, что называется, ни единой мусоринки. Давление на опорную часть стенда, где помещен РД, достигает 1000 тонн.

- Такие силы как бы опрокидывают стенд, - говорит Владимир Николаевич. - А мы проводим до 25 испытаний без демонтажа двигателя.

Оператором на стенде может работать лишь тот, кто отдал этому уникальному производству лет пять жизни. И даже когда ты вроде как сросся с ним, чувствуешь его нутром, точно опытный автомобилист свою машину, - пульс у тебя во время испытаний подкашивает до 120 ударов в минуту.

- Что так? - спрашиваю у своего собеседника.

- Настолько велика эмоциональная нагрузка - а вдруг что...

Но двигатели Энергомаша исправно выносили в космос ракеты «Восток», «Союз», «Космос», «Циклон», «Протон», «Энергия», а сейчас вот - и «Зенит», американские «Атласы». На очереди - «Ангара», многозарядная система «Байкал». За полет Юрия Гагарина в космос бригадир испытательного стенда № 1 Н.А. Шмагин был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

- Давайте пройдем в комнату, где можно видеть испытания двигателя на экране, - приглашает Худяков.

На большом телевизионном поле - все то, как я представляю, что вылетает из сопел двигателя. Какое-то адское движение, понятное только специалисту. А то горение РД-180 создает выхлопную струю, истекающую со сверхзвуковой скоростью - 3000 метров в секунду. Иногда картинка, снятая через бронестекла видеокамерой, покачивается - имитируются изменения параметров полета ракеты.

- Да, двигатель как бы в космосе, - говорит Худяков.

Потом мы идем к огневому испытательному стенду № 1 (их четыре). И я мысленно благодарю академика РАН Бориса Ивановича Каторгина, являющегося генеральным директором и генеральным конструктором НПО «Энергомаш», за предоставленную им возможность посетить это скрытое от сторонних глаз производство. Занимает оно 87 га - полторы площади такого государства, как Ватикан.

У входа в здание, к которому меня привели, памятная доска: «Стенд № 1 сооружен в 1947-48 гг. Первое испытание на стенде проведено 24 мая 1948 г.». Лифт приносит нас к крыше. С 30-метровой высоты видны Химки, Ховрино, за лесами - аэропорт Шереметьево. Рядом - широкая, похожая на градирню труба, вознесенная на 85 метров. Она венчает чашу закрытого бассейна диаметром 68 метров, куда заливается 40000 кубов воды. Две трубы, напоминающие по масштабам надземные уличные переходы, ведут от водоема к зданию, с которого любуюсь окружающей панорамой.

- По ним отходят выхлопные газы двигателя, - поясняет Худяков. - Трубы предназначены для укрощения скорости потока, снижения шума, дожигания вредных составляющих - путем добавления кислорода взрывоопасный водород превращается в воду, угарный газ - в безопасный углекислый...

- А грохот-то, наверное, какой стоит!

- Навстречу огненному потоку, чтобы погасить шум и температуру, впрыскивается по 25 кубометров воды в секунду. Затем весь этот выброс раскручивается еще и в бассейне. Так что через «дымовую трубу» выходит лишь облако водяного пара при уровне шума, что бывает в обычном сборочном цехе.

И тут узнаю, что в лесном водоеме, находящемся по соседству с испытательным стендом № 1, водятся две семьи бобров, щуки. По здешним полянам, где обильно растет земляника, бегают лисы и зайцы.

Прямо-таки райская картина... Но нельзя забывать, что это опасное производство. Компоненты топлива - керосин и кислород. Производство требует особой чистоты, высокой квалификации работников - ведь на стенде сконцентрировано до 1000 агрегатов автоматизации, километры замысловатых трубопроводов.

Ежели что случится, на огонь автоматически обрушатся потоки воды, сработают противопожарные азотные пушки. Во время испытаний люди покидают стенд, и все наблюдения ведутся из операторской. Нарушает это правило лишь местный кот, который спит прямо у бронекамеры.

Сейчас бронекamera, весящая около 30 тонн, расстыкована, точно расколотый пополам грецкий орех. В одной ее половине ко всем подходящим сюда магистралям крепится двигатель. При испытании проводится его качание - точь-в-точь как то, что происходит при корректировке траектории полета ракеты (помните, это было заметно на телевизионном экране?).

- Вторая половина, подвижная, накатывается по рельсам, - объясняет Худяков, - и напроць скрепляется с первой. С двигателя, работающего во время испытаний в различных режимах, автоматически снимается до 1000 параметров.

Чтобы хоть как-то представить себе, какая лава энергии уходит из бронекамеры, задаю вопрос:

- На сколько же градусов нагревает огневой поток 40000 кубов воды в бассейне?

- На шесть за одно испытание. 50 кубов воды выбрасывается в атмосферу в виде пара.

Опять об H₂O - самом распространенном веществе в природе... Оказывается, здесь 12 насосов, способных обеспечить испытательный комплекс необходимым количеством воды. В случае огнеопасных ситуаций на стенде есть зоны, при попадании в которые автоматика обдаст тебя душем.

- С точки зрения безопасности к стенду предъявлены особые требования. Он так и выполнен, - говорит Худяков. - Если что-то происходит во время испытаний, аварийные защитные системы блокируют неприятные ситуации и выводят РД и стенд в безопасное состояние.

...А кот, распластавшись, спал - его даже не прельщала разлитая за стенами мартовская оттепель 2004-го.

Владимир ЧЕРТКОВ

